

Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства

С.П. Кушнерук

Волгоградский государственный университет

пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Россия, E-mail: sp_kushneruk@mail.ru

Вопросы методики исследования материалов по обвинению в оскорблении, клевете, унижении чести и умалении достоинства в силу разных причин сохраняют свою актуальность. Данные правонарушения имеют различные речевые воплощения и, следовательно, их экспертная квалификация принципиально различается методическими основаниями и исследовательскими приемами. Решение экспертных задач, как показывает практика, в значительной степени зависит от совокупности качеств вопроса или вопросов, поставленных перед лингвистом, от коммуникативных особенностей и объема исследуемого материала и от широты лингвистического инструментария, освоенного исследователем. Отмечено, что даже для решения на первый взгляд тривиальных вопросов принципиальными оказываются презумпции исследования, основанные на понимании лингвистической сути событий. Для оскорбления такие основания связаны с возможностью установить адресованность высказывания; для клеветы – с параметрами речевого утверждения, для умаления чести и достоинства лица – с распространением негативной информации в формах квалифицирующих высказываний.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, оскорбление, клевета, честь, достоинство.

Bad Word: Insult, Slander, Degrading, Impairment of Dignity

S. P. Kushneruk

Volgograd State University

100, University Av., Volgograd, 400062, Russia. E-mail: sp_kushneruk@mail.ru

It has been recently acute to develop research methods applying to cases of insult, slander, degrading and impairment of dignity. Their peculiarity consists in different degrees and forms of linguistic manifestations, in fundamental differences regarding methodological foundations and instrumental approaches. The solution of expert tasks, as practices show, largely depends on the set of qualities of the question or questions posed to the linguist, on the communicative features and volume of the material under study, and on the scope of linguistic tools mastered by the linguist. It is noted that even for routine types of research, the specificity of regulatory grounds related to understanding the linguistic essence of events is fundamental. For the insult such grounds are connected with the possibility to establish the addressee of the utterance; for slander – parameters of a statement; for degrading and impairment of a person's dignity – the dissemination of negative information in the form of qualifying statements.

Key words: forensic linguistics, insult, slander, honor, dignity

1. Введение. В экспертно-исследовательской практике образовался широкий круг проблем, ставших классическими. Троица – «оскорбление», «унижение чести и умаление достоинства», «клевета» – может казаться скучной, хорошо известной и освоенной специалистами, но разнообразие коммуникативных средств и богатство речевого состава не дают лингвистам-экспертам поставить точку в их обсуждении. К основаниям, множащим количество спорных ситуаций, можно было бы добавить и иные факторы, проявляющиеся в шкалах частотности, смысловой неустойчивости, коммуникативной актуальности, внутрисистемной языковой динамики и т.д.

2. Оскорбление

Обозвали голоштанником. Надолго осталось в
душе оскорбление. Витрины, пирожные...
а дома по-прежнему бедно и скудно.

И. Грекова

Допускаю, что следующие соображения могут быть спорными. По крайней мере – они не полны. Но оскорбление – это такой акт, особенности которого трудно уместить даже в объёмную монографию. Успешные попытки охарактеризовать оскорбление как

коммуникативное явление представлены работами, ориентированными на практическое использование их положений в экспертной практике [Баранов 2005: 200].

Какими бы ни были обстоятельства дела, основной проблемой исследований коммуникативных ситуаций будет явная или неявная борьба между выявлением реальных или придумываемых частных оснований формулирования претензий об оскорблении, с одной стороны, и, с другой стороны, – наличие системы формальных признаков, выявляемых на лингвистическом уровне и свидетельствующих о том, что речевой фрагмент имеет оскорбительные свойства в лингвистических координатах. Разумеется, состав таких признаков должен быть конечным, они должны иметь лингвистическую суть, быть субъектно определёнными.

Желание усмотреть в том или ином речевом материале оскорбительные свойства часто бывает понятно, основания этой попытки могут лежать в широком диапазоне мотивировок, от сознательной манипулятивной попытки до реализации «классических» инструментов оскорбительного свойства. От по-своему наивных представлений об оскорблении, идущих от человеческой обиды, до построения сложных речевых объектов, допускающих множественные интерпретации в части их этико-квалифицирующих качеств.

Понимая, насколько опасно и сомнительно в профессиональном отношении нижеследующее допущение, автор всё же указывает его здесь, предоставляя читателю некоторые основания, закрепившиеся в экспертной практике: в лингвотехнологическом отношении исследование признаков оскорбительности реализованных речевых единиц если не проще в содержательной плоскости, то более определено конкретным перечнем признаков, которые имеют лингвистическое содержание.

- Принципиальным фактором следует рассматривать наличие конечного перечня типов единиц, которые следует рассматривать как единицы с оскорбительным содержанием (при определенных условиях). Нет сомнения в том, что сам состав оскорбительных единиц и типологические характеристики ряда из них вызывают дополнительные вопросы в сферах как полноты соответствующих групп, так и в смысловых признаках внешне релевантных единиц. Задан если не словарь с оскорбительными потенциями, то семантико-функциональные группы единиц с их свойствами, ощутимыми на уровне речевого опыта. Конечно, идеальным (но фантазийным) занятием было бы создание пополняемого словаря оскорбительных средств. Но это, полагаю, невозможно – и языковая динамика, и извивы речевой практики будут постоянно требовать его корректировок и изменений.

- Внешне простым, но ситуативно неоднозначным может быть определение приличности-неприличности речевых единиц, содержательное разделение оскорбления и обиды и даже оценка умышленности речевых действий. В последнем случае «умышленный характер действий» – это преднамеренное использование речевых фрагментов с оскорбительным значением, коммуникативная лихость, противопоставленная речевой осторожности, или реализация некоего коммуникативного действия, которое не предусматривало использование конкретных языковых средств, но имело в виду решение каких-то межличностных отношений с непререкаемой негативной квалификацией адресата? Практика показывает, что возможны и иные понимания умышленности действия, поскольку задумка формы и способов умысла, методов его реализации и речевые экспликации имеют множественный и взаимосвязанный характер.

- Обращения к множеству ситуаций, в которых рассматривались факты оскорблений, выявляют одно интересное качество оскорбления – наличие перлокутивного эффекта разной силы. Вполне закономерным может быть вопрос о том, какова степень негативной оскорбительной квалификации. Нам известно высказывание, имеющее коммуникативно-содержательную модель: «субъект N чувствовал себя глубоко оскорблённым». Означает ли определительный компонент наличие оснований для введения некоторой шкалы степени оскорбительности? Вряд ли. Трудно себе представить, что понятию «глубокое оскорбление» может быть противопоставлено понятие «неглубокое оскорбление»: фрагмент «субъект N был слегка оскорблён» можно себе представить в художественном тексте (заметим, ограниченной жанровой принадлежности), но не в речевом материале экспертного исследования.

Развитие знаковой множественности коммуникации предполагает включение в состав экспертного материала некоторых форм посланий, в создании которых используются невербальные знаковые средства. Такие процессы будут, видимо, развиваться, в первую очередь, в электронных формах коммуникации, в которых визуальные ряды выполняют основную функцию послания. Последнее обстоятельство породило необходимость проведения экспертных действий, в которых текст формировался посредством видеорядов. В таком случае возникает дополнительный вопрос об определении текста как сложного коммуникативного инструмента, создаваемого широким спектром семантически отмеченных средств.

Чрезвычайно разнообразные ситуации, в которых одна из сторон полагала себя оскорблённой, обнаруживают интересные закономерности. Именно признаки оскорбительности исследователи попытались свести в некоторые ряды с описательными и квалифицирующими характеристиками: во-первых, относительная определённость исходных ограничителей самой ситуации; во-вторых, наличие формальных признаков контекста, заданных списком; в-третьих, «коммуникативная яркость» действия, связанного с оскорблением.

Кейс 1. Специалисту был задан следующий вопрос: выражена ли отрицательная оценка личности гр. С-ва М.В. в словосочетании «Ты – баран»?

Исследовательскую ситуацию можно считать даже несколько скучной. Квалифицирующее высказывание, в котором использована лексическая единица, уподобляющая человека животному с отрицательным характеризующим содержанием.

Кейс 2. В этом случае коммуникативная ситуация оказалась сложнее. Вопрос к специалисту был сформулирован следующим образом: является ли используемое словосочетание «чёрный риелтор» квалифицирующим и оскорбительным, если да, то какие квалифицирующие свойства у этой фразеологической единицы?

Метафоризированное значение словосочетания, являющегося термином с повышенным уровнем квалифицирующих качеств, определяется не компонентом «риелтор», но компонентом «чёрный». Перемещение этой единицы в ограниченную предметную область работы с недвижимостью принципиально меняет квалифицирующие свойства лексической единицы. Термин приобретает резко негативное квалифицирующее значение, представленное не определением, а контекстными средствами, описанием качеств тех лиц, которые имеют основания называться подобным образом. Этот случай служит одним из примеров высокой динамики переосмысления и появления языковых единиц с квалифицирующими свойствами.

3. Честь и достоинство

Честь – это совесть, но совесть
болезненно чуткая.
А.В. де Виньи

В словах «ни в чем не замечен» уже заключается целая
репутация, которая никак не позволяет человеку бесследно
погрузиться в пучину абсолютной безвестности.

М.Е. Салтыков-Щедрин

«Честь, достоинство и деловая репутация»... Уберём из рассмотрения всё, что связано с термином «деловая репутация». Понятие, стоящее за термином, несмотря на попытки формализации, в высокой степени размыто. В её основе лежит то, что связано с «общественной оценкой деловых качеств» – неким личностно разрозненным ментально-эмоциональным действием разных лиц. Действием вроде понятным при мобилизации качеств, именуемых человеческим опытом, но не формализуемых, не имеющих чётких речевых коррелятов, при постановке вопросов лингвисту обуславливающих «перескакивание» в содержание лингвистических производных с сомнительными квалифицирующими потенциями. Например, лингвисту предлагают ответить на вопрос: «Если в материале I содержится негативная информация о гражданине N, то воспринимается ли эта информация как умаляющая деловую репутацию названного лица, чернящая доброе имя, задевающая честь и достоинство гражданина»? Изложение хода и результатов анализа этого вопроса потребует отдельного текста изрядного объёма, в котором, кроме всего прочего, придётся показать, например, почему на вопрос правового содержания, являющийся прерогативой суда, предлагают ответить лингвисту? Что такое негативная информация в аспекте профессиональной деятельности? Как следует понимать глагол «воспринимается»? Процесс восприятия субъективен, динамичен, предполагает оценку профессиональной деятельности. Наконец, неясным для лингвиста является вопрос о том, что значит «чернить доброе имя»?

Определения слова «честь» в тезаурусах права и лингвистики имеют некоторые различия. Обратимся к словарным дефинициям.

Честь в содержательном поле юриспруденции – общественная оценка личности, мера духовных и социальных качеств гражданина [Гражданский кодекс, URL].

Слово «честь», как лексическая единица, ориентированная на использование в общепотребительной сфере языка, имеет следующие словарные толкования: «совокупность высших морально-этических принципов личности; достоинство (личное, профессиональное, военное и т.д.); хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя; почёт, уважение; то, что даёт право на почёт, уважение, признание, является почётным; о том, кем или чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения и т. п. [Словарь русского языка 1984 т.IV: 672]

Дискретность словарного определения в «лингвистическом источнике», попытка определить единицу через ряд синонимов или через ряд признаков, значимых в межлических отношениях в некоторой степени противопоставляется правовой дефиниции с доминантой размытого понятия «общественная оценка». Видимо, понятийная слабость понятия в тезаурусе права стимулирует к расширению аспектного поля через дополнительное включение коммуникативно-языковых факторов.

Полисемичность лексической единицы, ее существенные содержательные колебания связаны не только с контекстно обусловленными толкованиями. И вне контекста содержательные различия в значениях слова зависят от ряда обстоятельств. Приведем лишь некоторые из них.

- Слово в координатах профессиональных тезаурусов. Мало того, что в силу внутрисубъектного развития формируется относительно устойчивое лексикографическое значение. Завершению предметной спецификации способствуют профессиональный коммуникативный фон и действие собственных тезаурусовых логико-смысловых значений, «выплёскивающих» изменение содержаний на иные внутрисистемные единицы.

- Слово в координатах активных контекстов. Контексты с их необыкновенной живостью, следованием за экстралингвистическими условиями ощутимо испытывают на прочность и завершенность смыслового наполнения лексической единицы, легко перемещаемой в тексты эмоционально окрашенные, что не только размывает доминанты строгих внутрисубъектных дефиниций, но и придаёт понятию окраску лексической единицы разговорно-бытовой отнесённости (впрочем, порой весьма неустойчивую).

Термин «достоинство» в его основном значении, при лингвистической квалификации ситуаций, как показывает экспертная практика, сохраняет если не некоторую загадочность, то зыбкость формальных шкалируемых показателей. Странность ситуации, при которой «все понимают, что такое достоинство», но представить в иерархизированном виде степень проявления этого качества или уровень его потери представляется, мягко говоря, непросто. В какой-то степени на это обстоятельство влияет и аспектность понятия: достоинство личности, достоинство гражданина, национальное достоинство. Понятие актуально не только в координатах субъектных параметров, но и при актуализации в разных правовых областях [Диффамация в СМИ 2006: 7].

Кейс 1. Вопрос о наличии нарушений законодательных норм явно некорректен, даже если он растворён в контексте вопроса о наличии речевых проявлений нарушения моральных норм. В одном из относительно давних дел (содержание даже небольшого фрагмента мысленно уносит в «лихие девяностые» годы) по ст.152 лингвиста озадачили следующими вопросами:

1. Содержит ли текст материала под заглавием (заглавие; название СМИ; адрес редакции) негативную информацию о (имя, фамилия)? Если да, то включены ли в текст материала высказывания, содержащие сведения о нарушении действующего законодательства (кем – имя, фамилия), общепринятых моральных норм и принципов?

2. Каковы формы высказываний, реализованных в тексте материала под заглавием (заглавие; название СМИ; адрес редакции)?

3. Каково значение высказывания, реализованного в тексте с заголовком (заглавие; название СМИ; адрес редакции): «...Не гнушался «мелкий» и классическим бандитизмом – скажем, грубым выбиванием долгов с предпринимателей. Например, осенью 1997 года (фамилия) в составе банды «поселковых» похитил сына продавщицы (имя, фамилия), задолжавшей браткам какие-то деньги за навязанное ими крышевание торговой точки?»

Если вопросы 2 и 3 по своим основным содержаниям соответствуют рекомендациям и составам перечней типовых вопросов, связанных со статьями правовых регуляторов, то вопрос 1 вызывает размышления. Эти размышления ориентированы на выяснение следующих обстоятельств. Прав ли специалист-лингвист, когда он выявляет в тексте негативную информацию, исходя из общих соображений. Понятие негативности и в содержательном ключе, и с точки зрения квалифицирующих действий, и с позиции содержательной амбивалентности, и с учётом правового прагматизма уже не раз исследовалось, однако применительно к экспертной практике многое в этой предметной области остаётся неустойчивым и неоднозначным.

Каковы те конкретные высказывания, содержащиеся в тексте, которые должны квалифицироваться как негативные в аспекте их лингвистических признаков? Как показывает опыт, оценка ситуации, когда о ком-то что-то говорят, не может сводиться к интерпретации впечатлений от того, что представлено текстом. Понятие «негативности» не сводится к каким-то лингвистическим признакам. В данном случае лингвиста «спасает» речевая конкретика. Личность N словесно квалифицируется единицей «бандитизм» с её вполне определёнными содержательными признаками, и лексикографическими, и закреплёнными в бытовом сознании.

4. Клевета

Злословие и клевета не имели бы такой силы,
если бы глупость не пролагала им пути.

А. Дюма-сын.

Клевета в ряду рассматриваемых объектов исследования – наименее лингвистичный с точки зрения своей сущности. Безусловно, клевета предполагает коммуникативное действие, связана с порождением некоего сообщения, что и обуславливает рассмотрение этого феномена лингвистами.

Совершенно очевидно, что установление факта клеветы не может быть делом лингвиста. Основная содержательная компонента клеветы как явления – наличие или отсутствие связи того, что сказано (написано) с тем, что имеет место в действительности.

Вернёмся к определению термина «клевета».

Клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию [Большой юридический словарь... 2012: 200].

Это дефиниция терминологической единицы, попадающей в тезаурус юридических понятий. В какой мере терминологическое содержание отличается от «общечеловеческого», внетерминологического, можно увидеть, сравнив дефиницию с определением толкового словаря.

Клевета – ложное обвинение; заведомо ложный слух, позорящий кого-либо, а также распространение таких слухов [Словарь русского языка 1984 т. 2: 56].

К содержательным фрагментам определений, различных в силу их существования в разных предметных областях, можно отнести следующие смысловые компоненты:

- факты распространения данных, могущих быть объектами специального анализа; под распространением следует иметь в виду некое технологическое действие, результатом которого является попадание некоего сообщения от адресанта (автора) к целевой группе адресатов;

- ложность сведений, составляющих информационную суть распространяемого текста; является ли задача выявления ложности-правдивости лингвистической задачей? – категорически «нет»;

- порочащий (позорящий) характер сведений, составляющих смысловую основу текста; при различиях семантики лексических единиц «порочить» и «позорить» очевидна общность качеств информации, которые связывают текст с морально-нравственной квалификацией субъекта-адресата.

Последний смысловой компонент предполагает, видимо, реализацию неких сведений, которые соответствуют следующей описательной модели: «распространенные о субъекте данные отражают фактические сведения о действиях или результатах действий, связанных с конкретным субъектом; действия или их результаты имеют явно предосудительный характер, чернят лицо, представляемое посланием». Можно лишь временно удовлетвориться представленной описательной моделью, поскольку её положения неминуемо вызовут вопросы о содержании единиц «предосудительный», «чернить». Лингвистическое исследование предполагает содержательно методологическую «чистоту» предметной области, в рамках которой рассматриваются лексические компоненты определений. Как относиться, например, к единице «чернить» с учётом её явной остаточной метафоричности, эмоциональной окрашенности и содержательной неустойчивости?

По размышлению над сутью явления, возьмём на себя смелость заключить следующее. В условиях лингвистических экспертных действий «клевета» – одно из самых «нелингвистичных» явлений, суть которого связана с нелингвистическими содержательными доминантами, которые определяются наличием или отсутствием события, качества, признака. Проверка же сказанного – операция вне лингвистики, связанная со следственными действиями.

Исследовательские некорректности возникают в тех случаях, когда лингвист без должной профессиональной требовательности относится к поставленным перед ним вопросам. В результате неминуемо происходит в той или иной степени вторжение в нелингвистические сферы. Речевой материал – это та «словесная субстанция», в которой есть всё, и все разделы лингвистики, и проявления психологии, отражения реальных состояний, и вторжения в право, и, безусловно, морально-нравственные окраски рациональных содержаний.

Рассмотрим некоторые вопросы, входившие в разные системы экспертных заданий. Тексты вопросов подверглись минимальным изменениям субъектного содержания.

Кейс 1. Имеются ли в представленной для исследования стенограмме диктофонной записи судебного заседания ..., высказывания гражданина (ФИО1), содержащие сведения о нарушении гражданином (ФИО2) действующего законодательства, норм и принципов морали, совершении нечестных поступков?

Специалисту вопрос предлагает не только вторгнуться в сферу права, но и совершить действия, на основе которых возникает коммуникативная определённости. Итак, субъект обнаружил в тексте некие высказывания, которые, как ему кажется, нарушают (или, возможно, как раз не нарушают) чьи-то права, какие-то правовые нормы. Поскольку эти реальные или кажущиеся нарушения транслируются через текст, то мысль о привлечении специалиста «отвечающего за речь», представляется естественной и непротиворечивой. Есть текст, в котором описано нечто, что имеет место в действительности, или не соответствует в реальности. Что становится объектом действий лингвиста? Проверка наличия события или качества тех речевых единиц, которые выступают в роли квалифицирующего описания? Либо соблазны велики, либо опыт мал (о преднамеренной лингвистической недобросовестности даже не говорим!) – если соблазн прямого ответа на поставленный вопрос неодолим, то лучше прекратить занятия экспертной деятельностью. Эксперту предложили ответить на вопрос, который может быть обращен, во-первых, к иному субъекту – к суду, и, во-вторых, не имеет прямого лингвистического содержания.

Возможны и иные сложности. При показанной структуре и единицах вопроса представим ситуацию, демонстрируемую практикой исследований: специалист нашёл некоторые релевантные с его точки зрения единицы, описал их и представил заключение. Но субъект-автор вопроса полагал, что следовало обратиться не к тем единицам, которые рассматривал эксперт, а к иным речевым компонентам спорного текста. Следовательно, вопрос не только содержательно сомнителен и неопределён, но и бесполезен в

процессуальном отношении.

Кейс 2. Содержатся ли в статье под названием «Принцип Чиполлино» высказывания в форме утверждения о конкретных фактах нарушения инстанцией «...» законодательства или моральных принципов?

Вопрос содержит, по крайней мере, две ошибки. Во-первых, от лингвиста требуют ответ в области законодательства. Во-вторых, эксперту предлагается безосновательно подтвердить «конкретность фактов» – реальность событий. Эти действия неприемлемы как составляющие в деятельности эксперта, они являются либо задачей следственных инстанций, либо судебных выводов.

Кейс 3. Соответствует ли текст статьи, выбор реализованных в ней лексико-фразеологических и синтаксических средств основным правилам и принципам построения публицистического текста?

С одной стороны – вопрос порождает проблему, достойную лингвистического клуба. По всей видимости, автора вопроса интересовало, в какой степени соответствует экспертный материал тем основным (или частным) требованиям, которые обязательны для текстов этой стилистической группы. Кроме содержательной широты, вопрос предполагает ответ с относительно низкой информативностью и соответствующим уровнем полезности в части его интерпретации.

Кейс 4. Возможно ли в создавшихся коммуникативных условиях установление истинности или ложности утверждения, о том, что содержательные положения, приведенные в форме цитат в Исковом заявлении, отражают или не отражают события, имевшие место ранее в форме переговоров Истца и Ответчика?

Мало того, что эксперту-лингвисту предлагается оценить не лингвистические, но событийные признаки в координатах истинности и ложности. Вопрос склоняет лингвиста к интерпретации некоего вторичного текста с позиций истинности и ложности события (переговоров), навязывая некоторого содержания и к порождению вывода на зыбких основаниях ряда условных исходных факторов.

Представленные вопросы заметно отличаются от вопросов «стандартных», наиболее частотных и выявляющих если не обязательные, то значимые лингвистические признаки событий. Последние часто используются при исследованиях ситуаций, связанных с возможными оскорблениями, защитой чести, достоинства и деловой репутации.

Представленные вопросы интересны не столько своим ошибочным характером, сколько проявлением того, насколько точно они отражают коммуникативную сторону событий и в какой мере ответы на них трансформируемы в содержательные доказательства юридического характера.

В заключение приведем по одному «опасному месту» в лингвистической экспертной практике, которые до настоящего времени порождают споры среди специалистов:

по делам об оскорблении – неприличность формы выражения значения;

по делам о клевете – определённость объекта речи и признаки утверждения о факте;

по делам о защите чести и достоинства лица – значение квалифицирующего высказывания.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика /А. Н. Баранов. – М., 2007.

Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.]; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. - 2. изд., перераб. и доп. – М., 2003.

Гражданский кодекс РФ. Часть 1. Статья 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации». URL: <http://stgkrf.ru/152/>

Диффамация в СМИ/ Авт.-сост. Г.Ю. Арапова, М. А. Ледовских. – М., 2006.

Словарь русского языка/ Под ред. А.П. Евгеньевой. – в 4-х т. М., 1981-1984. – т. 2.

Словарь русского языка/ Под ред. А.П. Евгеньевой. – в 4-х т. М., 1981-1984. – т. 4.

References

Baranov, A.N. (2007) Linguistic examination of the text: theory and practice/A. N. Baranov. Moscow (in Russian).

Civil Code of the Russian Federation. Part 1. Article 152 «Protecting honor, dignity and business reputation». URL: <http://stgkrf.ru/152/> (in Russian).

Defamation in the media (2006) /Aut.-sost. G.Yu. Arapova, M. A. Ledovsky. Moscow (in Russian).

Dictionary of the Russian language (1981-1984) /Ed. A.P. Evgenieva. - in 4 volumes. - T. 2. Moscow (in Russian).

Dictionary of the Russian language (1981-1984) /Ed. A.P. Evgenieva. - in 4 volumes. - T. 4. Moscow (in Russian).

Large legal dictionary (2003) /[V.A. Belov et al.]; Ed. A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. - 2. prod., reslave. and supplement. Moscow (in Russian).

Citation:

Кушнерук С.П. Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства. // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 23-27.

Kushneruk S.P. (2020). Bad Word: Insult, Slander, Humiliation of Honor. Legal Linguistics, 16, 23-27.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License